

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

ВЫП. XV

АФРИКА И АЗИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1973

Р. Я. Рассудова

**СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА В БАССЕЙНЕ НИЖНЕГО ДАРГОМА
ЗЕРАВШАНСКОЙ ДОЛИНЫ
(КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX в.)**

Задача настоящей статьи — проследить некоторые изменения производственных отношений в бассейне Нижнего Даргома Зеравшанской долины¹ начиная со второй половины XIX в. до второго десятилетия XX в.

Полевые материалы, собранные нами в 1960—1963 гг., освещают производственную жизнь и взаимоотношения различных категорий крестьян в пределах сельской общины, границы которой в описываемый период не совпадали ни с административным делением, ни с селениями.

На Нижнем Даргоме сельская община находилась на поздней стадии разложения. Здесь уже исчезли переделы пахотных земель между ее членами, но еще сохранялись согласованное ведение полеводства, коллективные работы, различные формы взаимной помощи. Крестьяне были частными землевладельцами. Прослеживается усиление дифференциации крестьянства: с одной стороны, обезземеливание бедняков и уход их из общины, с другой — появление новых эксплуататоров, ограничение коллективных работ в их среде.

Население бассейна Даргома XIX в., как и всей долины, сформировалось к XIX в. в результате восстановления ирригации и всей хозяйственной жизни после продолжительных междоусобных войн в Бухарском ханстве XVI—XVIII вв. Как отмечает ряд исследователей края, в оседании племен и родов отразились этапы освоения долины [3, стр. 1—63; 4, стр. 1—109]. Судя по значительности занимаемой территории и компактности расселения, одними из первых пришельцев в долине считаются скотоводы найманы. Они заняли всю нижнюю предгорно-степную часть долины между Самаркандом и Каттакурганом. Как и в других племенах, бедная часть найманов поселилась в орошаемых районах, в бассейне Нижнего Даргома, в предгорных долинах и перешла к земледелию. К западу и востоку от найманов, а также в бассейне магистрального канала Тар арык, следующего к западу от Ертешар арыка, поселились арабы, в основном выходцы из Каршинских районов. На севере найманов окружали селения мангытов. Среди всех этих племен встречались небольшие группы таджиков, ходжа и

¹ Бассейн Нижнего Даргома полностью входит в Пастдаргомский район Самаркандской области. Он расположен к западу от г. Самарканда.

отдельные семейства русских, впервые появившиеся здесь еще в 1868 г., т. е. вскоре после завоевания края царской Россией.

Независимо от размеров тех или иных этнических групп, от компактности или их разбросанности селения обычно состояли из представителей одного рода. Жители каждого селения разделялись на несколько семейных групп — *туп*². Женщин чаще отдавали в другие тупы своего кишлака или в один из тупов трех соседних селений, составлявших одну сельскую общину.

Бассейн Даргома разделялся на две основные части: *улахат*, *паст*³ — на севере и *чул*, *дашт*⁴ — на юге. В северной, или долинной, части все земледелие было основано на искусственном орошении; в южной же, или предгорно-степной, полосе орошаемых земель было мало, и их занимали в основном под сады, а полеводство велось на неполивных землях.

Система Нижнего Даргома начиналась тремя магистральными каналами — *катта арык*⁵: Хишрау, Димишк, Ертешар (это — восточная граница бассейна, она проходила вблизи г. Самарканда, на западе от него). От каждого из этих каналов отходили второстепенные — *шах арык*⁶; последние разветвлялись на четыре еще более мелких канала — *кишлак арык*⁷. Эта ирригационная система лежала в основе административного деления населения. Так, одним магистральным каналом орошались земли одной низшей административной единицы — сельского общества *даха*, *дум*⁸, объединявшего несколько сельских общин (в последние входило четыре селения). К землям каждой общины вода подводилась шах арыком, а кишлак арык служил водным источником для полива земель одного из четырех селений сельской общины. Таким образом, в бассейне Нижнего Даргома каждая община имела один общий канал и четыре внутренних канала, соответствовавших числу селений⁹. На системе канала Ертешар (начиная от верховьев) кишлаки Валакандоз, Зангуи, Бахшивои и Кальходжа получали воду из шах арыка Валакандоз; кишлаки Бухори, Эскимачит, Сарай и Чала — из шах арыка Сарай; кишлаки Урта, Эски, Катта, Паст Чархин — из шах арыка Чархин; кишлаки Турткууз, Синчи, Малакай и Янги — из шах арыка Уклан; наконец, в кишлаках Туркман и Ертешар разбиралась вся вода канала Ертешар. Такое же положение было и на ма-

² Туп — собрание, группа.

³ Улахат (или вилайет) — область; так называли жители предгорий долинные орошаемые районы; паст — низина.

⁴ Чул, дашт — степь; местное население чулем называет такие места в степи, где можно только выпасать скот, а в даштах возделывали яровые злаковые, по живности которых выпасали скот. Значение этих народных географических терминов весьма подробно анализировано Б. Х. Кармышевой, начальником Зеравшанского отряда («Таджикско-узбекский народный географический термин Вилаят», — «Этнография имени», М., 1971, стр. 212–217).

⁵ Катта арык — большой (главный) канал.

⁶ Шах арык — канал с ответвлениями.

⁷ Кишлак — селение; кишлак арык — канал селения.

⁸ Даха — название сельского общества в ханское время. К началу XX в. оно было вытеснено словом «дум», употреблявшимся, однако, только среди населения; значение этого слова пока не удается выяснить.

⁹ В восточной части Мيانкальского междуречья, образованного двумя рукавами Зеравшана и примыкавшего к бассейну Нижнего Даргома с севера, земли каждого кишлака сельской общины орошались из трех каналов, что обуславливалось разделением полевых земель в общине на три вида угодьев, расположенных отдельными массивами. Каждое угодье занимали определенными культурами, которые затем земледельцы данной общины меняли по общему согласию. Расположение наделов крестьян в трех разных местах усложняло им ведение хозяйства и организацию труда в общине. Подобное положение существовало и в верховьях Кашка-Дарьи в Шахри-Язском оазисе.

гистрали Димишк. Кишлаки Дунг, Кепакул, Милтыкчи и Мирзотупи орошались шах арыком Дунг, известным в верхней части под названием Димишк-боло, а в низовьях — Дам; кишлаки Миянкоу, Баят, Урта и Балталы находились на шах арыке Миянкоу или Кутарма; кишлаки Пустак, Балхиен, Галабатир и Унаки — на шах арыке Балхиён; кишлаки Янги-карасыйрак, Эски-карасыйрак, Мирзотупи и Баймак — на шах арыке Карасыйрак; кишлаки Катта, Равак, Намазго, Ит — на шах арыке Катта. Канал Димишк завершался Чортутской группой кишлаков. На магистральном канале Хишрау находились группы кишлаков Арабхона, Чордара, Бухары и др.

Размеры этих селений в XIX в. были невелики; в 80-х годах XIX в. число хозяев в них колебалось от 9 до 67, в 20-х годах — от 18 до 250 [2, стр. 76 и сл.; 9; 13]. Из указанных кишлаков наиболее крупные располагались в верхних частях магистралей и являлись наиболее древними.

Каждые четыре кишлака, имевшие свои наименования, выступали еще под общим названием. Таковы группы кишлаков Димишк [1, стр. 114], Миянкоу, известный и как Гуркау, Балхиен, прежде называвшийся Заафранчи [3, стр. 60]. Другие селения, возникшие позднее, хотя также объединялись одним общим названием, но были менее крупны и располагались ниже первых групп. К ним относились кишлаки Валакандоз, Чортут, Чархин, Пчакчи и т. д. Остальные кишлаки, образовавшиеся лишь примерно лет 100—150 тому назад, также составляли группы, однако общим названием они не были объединены. При этом среди перечисленных кишлаков группы из четырех селений, независимо от времени их возникновения, наличия или отсутствия общего названия, представляли собой одну сельскую общину.

Среди местного населения каждая община имела два названия: *караказан* — черный котел и *казаншерик* — товарищи по котлу. Крестьяне каждого караказана выбирали одного человека, который ведал делами своей общины. С помощью кишлачных старейшин он следил за чисткой оросительных каналов (магистральных, своих шах арыков и кишлачных), за водоемами в кишлаках, за очередностью поливов, за севооборотом на полях, за куплей-продажей земель, за общественными котлами и т. д. Этот выборный староста группы кишлаков, т. е. сельской общины, назывался *элди джугуртаги*, т. е. «человек, состоящий на побегушках у народа». Официально он был известен как *эллик-боши*, т. е. пятидесятник.

Каждая община имела два общественных котла различных размеров, известных под несколькими названиями: *казаказан*, *туй*¹⁰ *казан*, *джурт казан*¹¹. Большой котел вмещал один батман риса, т. е. 8 пудов, или 148 кг, второй был поменьше. Эти котлы приобретались на средства всех домохозяев, входивших в одну сельскую общину. Сбором денег, покупкой и доставкой котлов ведал элликбоши. За сохранностью котлов в общине следили женщины. Ими пользовались все члены на одинаковых правах, ни в какую другую общину свой казан нельзя было отдавать. Котлы оставляли обычно в том доме, где последний раз ими пользовались. Котлы употреблялись для приготовления плова и шурпы на свадьбах, поминках; их брали на сайли, женщины в них варили *сумалак* — весеннее ритуальное блюдо (густой кисель из солода

¹⁰ Туй — свадьба. В описываемых районах туйем называли не только девичью свадьбу, но и торжества, устраивавшиеся по поводу обрезания мальчиков, и похороны, и поминки.

¹¹ Джурт — общество, круг родственников, родина.

специально проращенной пшеницы). На новый год (конец марта) большой котел ставили в мечеть и в нем соединяли семь различных блюд, приготовленных хозяйками дома. Затем, разогрев еду в казане, разливали ее в чашки и подавали каждому из собравшихся на эту годовую общую трапезу — *джил оши* ¹².

Вскоре после новогодней общественной трапезы в общинной мечети крестьяне приступали к коллективным работам по очистке ирригационной системы.

Каждая община выставляла людей в соответствии с долями воды, отпускавшимися в ее шах арык в период введения очередности в водопользовании. Здесь воду измеряли «парой волов» — *куш*, т. е. количеством воды, необходимым для полива посевов на участке, вспаханном парой волов за весенний период посевов. Один куш воды разделяли на восемь *бунтуруков* ¹³, т. е. на восемь частей, и за каждую из этих частей на общие работы давали одного человека. Исходя из этого расчета община Миянкоу за 5 кушей воды посылала 40 человек, община Балхиен за 6 кушей — 48 человек, Карасыйрак за 5 кушей — 40 человек, Чархин за 12 кушей — 96 человек, Валакандоз за 12 кушей — 96 человек и т. д.

В случаях же разрушений каналов или головных сооружений на восстановление их выходили все трудоспособные мужчины независимо от количества получаемой общиной воды. Участок магистрального канала от его начала до отделения от него первого общинного канала шах арык мирабы распределяли между общинами.

Шах арык чистили крестьяне одной общины, затем они разделялись на группы и переходили на свои кишлачные арыки. Мелкие каналы, подводившие воду на наделы отдельных хозяйств, очищались всеми членами семьи. Если же наделы были очень мелкие, то их хозяева, чтобы получить свою долю воды, также объединялись для совместной очистки канала.

Работами на магистральных каналах руководил *мираб* — распределитель воды по общинным шах арыкам, назначавшийся в волостном управлении и там же получавший плату. Ему помогали элликбоши. Последние совместно с кишлачными представителями следили за общими работами на шах арыке и кишлак арыке. Они же открывали воду для полива отдельных наделов крестьян. За свой труд элликбоши получал натурой от крестьян во время «поднятия тока» *хирмон кутарганда*, т. е. из доли урожая любой полевой культуры.

Планировка полевых земель крестьян соответствовала расположению их домов внутри кишлака, т. е. соседи в кишлаке являлись соседями и по земельным наделам в поле. Однако уже в начале XX в. это положение все больше стало нарушаться из-за продажи земель русским и таджикам, закупки земель у разорывшихся хозяев новой, зародившейся в период хлопкового ажиотажа торгово-ростовщической прослойкой в самом кишлаке и, наконец, из-за выдачи замуж девушек в другие караказаны. Тем не менее в Нижнем Даргоме соответствие между расселением крестьян в кишлаке и расположением их наделов в поле сохранялось в большой степени вплоть до образования здесь колхозов.

Соседское право на покупку земли — *шафи хаки* — в дореволюционном кишлаке — общеизвестный факт в этнографии. Оно существовало и в рассматриваемом районе. Хозяин, вознамерившийся продать свою

¹² Д ж и л — год; о ш — еда.

¹³ Б у н т у р у к — ярмо.

землю, сначала обращался к соседям «с четырех сторон». Однако в изучаемом районе этим не ограничивались. В случае отказа четырех соседей купить землю он спрашивал «турт хамсояннинг оркасини», т. е. «следующих за их спинами соседей», и так обходил весь свой кишлак. После этого землевладелец сообщал о своем намерении элликбоши. Последний доводил до сведения домохозяев всей общины. Если не было желающих, то элликбоши шел к элликбоши той соседней группы, с которой они были *туйдаш*¹⁴, т. е. откуда обязательно приглашали на свои свадьбы определенное число людей. Если земля была больших размеров, то о ее продаже сообщалось даже думу — главе сельского общества.

Соблюдение этих правил было важным не только для соседей, но и для нового хозяина, ибо впоследствии при ведении своего хозяйства и пользовании водой он тесно будет связан с другими жителями этого кишлака.

Кишлачные земли под загородные усадьбы покупали русские чиновники (гражданские и военные) и самаркандские таджики, в основном ремесленники. Земли русских сосредоточивались среди земель мангытов среднего и нижнего течения Ертешар арыка, т. е. в Чархинской и Синчинской группах, и на Демишк арыке, ближе к Балхиенской группе. Усадьбы таджиков входили в найманские группы кишлаков (Катта-Карасыйрак, Миянков).

Как русские, так и таджики, живя летом на своих загородных участках, старались приобщаться к жизни населения кишлаков: посылали во время праздников в мечети фрукты из своих садов, участвовали в общественных работах (чистка *хаузов* — водоемов, ремонт мечетей, восстановление оград вокруг священных мест — *мазарат*, кладбищ — *куинди* и т. д.), причем русские обычно давали деньги, таджики — продукты или какие-либо строительные материалы и всякий раз добавляли: «Биз хам казанларингизга шерик», что означало: «Мы также принадлежим вашему котлу».

Свои орошаемые земли крестьяне в первую очередь делили на *очик* — открытые и *курик* — загороженные, которые имели много разновидностей. На «открытых» землях, т. е. полях, крестьяне сеяли зерновые, бобовые, масличные культуры, хлопчатник, овощи, дыни, арбузы и некоторые другие. По жнивью на полях выпасали скот до новогоднего праздника (конец марта). После нового года элликбоши объявлял об окончании пастбы скота на возделывавшихся землях. Поэтому крестьяне прекращали выпускать скот на поля и «привязывали его на колышки». С этого времени каждая община нанимала *подачи* — пастуха для пастбы коров, за овцами смотрели дети. Богатые хозяева, если у них не было своих детей, договаривались с теми (но в своем казаншерики),

¹⁴ В описываемом районе туйдашами назывались соседние сельские общины, обязанные приглашать друг друга на свои свадьбы. Отношения туйдаш существовали только между двумя сельскими общинами, каждая из которых с другими не имела подобной связи. Несколько иное положение было на правом берегу Акдарьи в Ярбашинской волости. Здесь также две соседние общины считали друг друга туйдаш. Однако каждая из них была туйдаш еще с одной соседней общиной. Таким образом, здесь одна сельская община находилась в отношениях туйдаш с двумя общинами, т. е. туйдашами являлись одновременно три общины. Свое приглашение в туйдаш караказаны посылали его элликбоши. Последний сам выбирал, кого послать к соседям, при этом он учитывал близость родства с устроителями торжества. Число приглашенных зависело от материального положения «хозяина свадьбы» — *туйнинг эгаси*. Приглашение же выражалось так: 5—6..тавок туйга, т. е. им предоставлялось 5—6 свадебных блюд. Иными словами, приглашалось 15—18 человек, ибо одно блюдо с основным угощением, пловом, ставили перед тремя гостями.

у которых были мальчики лет 7—10, брали их себе в услужение и поручали им пасти овец и охранять посевы. За работу сначала давали лишь еду и одежду. По достижении 12-летнего возраста *мучал* — мальчик становился *йетим бола*¹⁵ — мальчик-прислужник и ему начинали выплачивать небольшую сумму, обычно составлявшую четвертую часть платы взрослого человека — работника йетима.

По всем магистральным каналам каждый крестьянин независимо от достатка разделял свои поля на три неравных клина. Самый большой участок отводили под озимые, которые мало поливались (1—2 раза), раньше созревали и не требовали дополнительных работ. После снятия урожая одну часть этого клина занимали вторыми посевами — джугарой и кукурузой, другую часть — арбузами и дынями. Второй клин засевали хлопчатником. Вторые культуры и хлопчатник необходимо было окучивать, часто поливать, и все они созревали осенью. Посевы первого клина крестьяне называли *ак* — белые, второго клина — *кук* — зеленые. Третий клин отводили под пар — *шудгар*. Размеры полевых клиньев различались по отдельным караказанам. На землях узбекских групп кишлаков пара было больше, чем в других, хотя и более удаленных от Самарканда.

Большинство членов сельской общины размеры клиньев оставляли без изменений, они изменяли лишь расположение посевов и пара на своих наделах¹⁶. При выборе культуры каждый крестьянин учитывал не только свои возможности, но и планировку полей своих соседей. Это согласованное землепользование существовало во всей общине, но в отдельных кишлаках оно практиковалось систематически¹⁷. Крестьяне, соседи по землям (а обычно они были соседями и в кишлаках), старались одинаковые культуры посеять на смежных участках и паровые клинья сосредоточивали по мере возможности в один массив¹⁸. В результате такой согласованности крестьяне каждой общины в первую очередь экономили воду.

Очередность в водопользовании между общинами, а внутри них между кишлаками и отдельными хозяйствами устанавливалась примерно со второй половины мая до августа. Введение очередности поливов вызывалось недостаточностью воды именно в то время, когда необходимо было поливать все растения одновременно всем хозяйствам. Решение этого вопроса регулировалось правильным соотношением культур, требующих поливов, различных по количеству и по времени. Кроме того, максимальному использованию воды способствовало и соглашение между соседними крестьянами сосредоточивать одинаковые культуры на смежных участках.

Со времени введения очередности эликбоши и один-два аксакала, старейшины данного кишлака, начинали следить за пользованием воды.

¹⁵ Йетим бола — ребенок-сирота. Йетимом называли годовых рабочих, нанявшихся на сельскохозяйственные работы в селениях; в городах они выполняли домашние работы, смотрели за скотом.

¹⁶ Существование подобного согласованного распределения угодий отмечено в ряде мест Самаркандской области [см. 8, 14].

¹⁷ Об общинном землепользовании в горных районах Бухарского ханства см. [6; 7].

¹⁸ Здесь, как видно, крестьяне имели землю в одном месте, каждый из них разделял ее на клинья. Однако в ряде районов земля одного хозяйства разделялась на участки, расположенные в разных местах, в результате чего вся земля общины оказывалась разделенной на ряд больших участков [см. 8, 14]. При этом, как мы выяснили, в Шахрисязском оазисе, в Дагбитской волости Самаркандской области к каждому селению вода протекала по трем общим каналам. По-видимому, эта система каналов и отражала подобное распределение угодий в общине.

Они разрешали открывать *кулок*¹⁹ крестьянам, если их земли располагались первыми по течению²⁰ или поливавшиеся посеы непосредственно примыкали к арыку кишлака. Дальше вода протекала с одного клина на соседний, поливая одинаковые культуры. При таких поливах и очередности не было необходимости каждому крестьянину открывать свой кулок на кишлачном арыке, что позволяло сберечь воду от напрасного поглощения ее сухим руслом арыка.

В зависимости от размеров земли и особенно засеянных клиньев крестьяне объединялись для поливов в группы (в основном бедняки). Так как доля воды и время поливов определялись размером земли, то, разумеется, для небольших участков приходилась очень незначительная часть кишлачной воды, которой можно было пользоваться в ограниченное время. Тем не менее для полива даже маленького клочка земли, да еще в короткий срок, требуется определенный напор воды. Поэтому бедняки постоянно составляли группу, чтобы образовать одну большую долю воды, количество которой, а следовательно и сила течения позволяли бы обеспечить полив земли. Члены такой группы уступали всю долю каждому в отдельности; в результате этого все успевали полить свои посевные наделы в установленную для их кишлака очередь. Такие водные объединения крестьян существовали не только в низовьях ирригационных систем, но и в их верховьях. Однако причины возникновения подобных групп в них были различные. В низовьях существование их объяснялось недостатком воды, а в многоводных верховьях — более значительной социальной дифференциацией²¹.

Сосредоточение сходных посевов на одинаковых клиньях помимо выгоды в пользовании объединенной кишлачной водой давало крестьянам ощутимую пользу и в организации полевых работ, и в дополнительном использовании земли для других целей. В течение года крестьяне каждого кишлака постоянно в различных формах помогали друг другу. Для вспашки полей несколько семейств объединялось в группу — *альгоу*²². Обычно эти семьи являлись соседями по земле, имевшими по одному волю (таких здесь было большинство), они составляли одну воловую упряжку. Количество членов альгоу зависело от конфигурации земель, от необходимости иметь запасных волов. К ним мог присоединиться крестьянин, у которого не было рабочего скота. Этот крестьянин сначала пахал землю своим компаньонам за пользование скотом, затем переходил на свой участок. Иногда в альгоу объединялись крестьяне разных селений, но обязательно из одной общины. За скотом крестьяне обращались и к своим соседям по дому в кишлаке, т. е. они пользовались своим соседским правом. Но на основании этого пра-

¹⁹ Место, где вода из арыка поступает на поле.

²⁰ В других районах полив начинался с земель, расположенных внизу канала. Объясняли это тем, что в противном случае нижние земли могли остаться без воды, которая уменьшалась обычно к концу срока очередности пользования ею; кроме того, увлажнение сухого русла кишлачного арыка происходило за счет воды нижних хозяйств, что считалось несправедливостью. Так как каждый хозяин открывал воду на свой участок непосредственно из общего арыка, то и не отмечался пропуск воды с земель одного хозяина на землю другого, как это делали крестьяне Нижнего Даргома.

²¹ Объединение крестьян с целью получения необходимого для полива количества воды отмечено во многих районах, где существовала очередность в водопользовании: в низовьях Зеравшанской долины, к западу от Бухары, в северо-восточной части долины, в Южной Фергане [см. 11, 12].

²² Альгоу считается супрягой, когда два крестьянина, имевшие по одному волю, объединяли их для составления одной упряжки и по очереди пахали свои земли [10, стр. 705]. Из другого определения альгоу — форма отработок за временное пользование скотом зажиточных [5, стр. 86].

ва просителю давали упряжь только на один день, полагая, что получивший не щадит, не кормит волов и якобы говорит: «На два дня не даст (быков), за один день не сдохнут» (Икки кунга бермас, бир кунга улмас).

Работы по подготовке земли к посеву пшеницы и по ее выращиванию выполнялись каждой семьей самостоятельно.

Для жатвы крестьяне устраивали помочи — *хашар*, приглашая всех соседей. На помочи мог быть приглашен и не сосед: зачастую оказывалось, что устроитель хашара прежде в чем-то ему уже помогал, и он теперь оплачивает свой долг или же на хашар он пришел с тем, чтобы в будущем иметь возможность просить хозяина помочь ему.

Работа крестьян на жатве, как и некоторые другие виды помочей, не оплачивалась. Однако хозяин помочей должен был хорошо кормить всех участников. Сообща работали и на току — *хирман*, для которого старались отвести как можно меньше земли. Поэтому крестьяне, имевшие смежные участки с одинаковыми культурами, устраивали один общий ток на данный сезон. Обмолот зерна производили по очереди, помогая друг другу. Число участников зависело от величины пшеничного клина, наличия рабочих рук в семье владельца поля. Обычно сначала обращались к соседям, с которыми имели смежный участок. На границе кишлачных земель в таких хашарах участвовали крестьяне нередко из двух-трех кишлаков этой общины. Кормил тот крестьянин, зерно которого обмолачивали.

Во время жатвы или после ее окончания в поле появлялись собиратели колосьев, падавших на землю, — *мошокчи*. Это были в основном дети и старики; они ходили по полям не только своего кишлака, но и по другим, однако только своей общины.

Наконец, на поля, с которых снят урожай — *ангор* и собраны колосья, все хашарчи выпускали свой скот, хотя бы на несколько дней. При этом старались, чтобы он ходил по всем полям. Пастьба скота на полях была важна не только для использования трав, но и для внесения удобрения.

Не менее важным являлись помочи и по обработке джугары, кукурузы и хлопчатника. В отличие, например, от Ферганской долины на Зеравшане крестьяне почти все полевые культуры, за исключением арбузов и дынь, высевали вроссыпь и поливали способом затопления. Для этого поле разбивали на пал — мелкие прямоугольные участки, отделенные друг от друга валиками. Трудность обработки этих культур заключалась не только в частых окучках, но и в необходимости хорошей нивелировки поверхности, чтобы вода протекала по всему палу и равномерно орошала все растения.

Это была трудная и сложная работа, и с ней не всякий мог справиться. Особенность этих хашаров заключалась в том, что здесь собирали не просто соседей или односельчан, а тех крестьян, которые были как бы специалистами по окучке. Они проживали разбросанно во всех кишлаках и ходили на работу друг к другу и к тем людям, которые их об этом просили; но и тогда не выходили из своей общины. Приглашения поступали по существовавшей очередности, которая, как правило, обуславливалась очередностью поливов. Среди участников хашара по окучке молодых было больше, чем людей пожилого возраста. Численный состав их не оставался постоянным; работающих насчитывалось больше всего на первых двух, наиболее ответственных окучках. Смотря по обстоятельствам, эти люди разбивались на группы и расходились по кишлакам, причем одна группа могла состоять из людей разных кишлаков, но обязательно из одной общины. Помогавшие в окучке джуга-

ры и хлопчатника также работали за питание, но все старались их кормить особенно хорошо.

Во втором десятилетии XX в. начинают вознаграждать труд участников помочей. В узбекских кишлаках их стали одаривать сначала за окучку джугары, посевы которых занимали значительные площади, затем и за хлопчатник. Обычно в декабре после окончания всех полевых работ, когда богатеи рассчитывались со своими рабочими (чайри-корами, йетимами), когда в кишлаках мужчины уже договаривались об устройстве мужских собраний — *гаштак*, нескольким участникам помочей по окучке делали подарки от имени жителей кишлака, других одаривали в следующие годы. Подарок вручал почтенный старик на каком-либо большом собрании: семейных празднествах, во время пятничных молитв. Первое время подарки были крупными (например, халаты, одеяла), и потому их давали немногим. Впоследствии одаривали уже большее число людей, но лишь тибетейками, поясами платками, рубашками и т. д. Все эти вещи заранее готовили женщины каждого кишлака.

В 30-х годах стали давать подарки всем участникам хашара, но только одного вида. Это было удобнее во многих отношениях: и подарки изготавливать было легче, и никто не оставался в обиде.

Осенью срезание стеблей джугары и кукурузы и обломка их головок и початков также выполнялись помочами, но в этих работах большей частью участвовали соседи по землям со своими семьями. Мужчины срезали стебли, женщины тут же отламывали головки. На току работали только мужчины: молотили, провеивали, ссыпали зерно в специальные мешки и перетаскивали в амбары, в кишлаки.

Из многих полевых работ, требовавших быстрого выполнения, только на сбор хлопка не созывали помочи. На эту работу нанимали сборщиков даже из других мест. Сборщики были в основном женщины, и их, как и во всей Зеравшанской долине и Фергане, называли *чинакчи*, или *чиначи*, т. е. собиратели. За свою работу они в конце каждого дня получали плату натурой или деньгами (в Фергане только деньгами).

Помочи созывали также для сбора и сушки винограда. Работавших кормили, как и на других хашарах, но при уходе хозяин давал им с собой еще виноград.

Не меньшее значение имели и женские хашары. Они также разделялись на несколько видов в зависимости от выполнявшихся на них работ. Женские помочи были связаны со сбором шелковичных коконов, с обработкой шерсти, хлопка (чистка, взбивание, прядение), с изготовлением некоторых свадебных подарков.

Самые ранние помочи женщины созывали весной (май) — *пилла*²³ *хашар* для сбора шелковичных коконов. О необходимости приступить к очищению коконов от колючек, веток, которые специально накладывались на червей в последней стадии их кормления, объявляла одна из женщин, пользовавшаяся доверием остальных и считавшая, что она не сглазит урожай. К сбору коконов все приступали примерно в одно время. Для сбора коконов женщины разделялись на группы, количество последних соответствовало домам, выкармливавшим червей. Численность же женских групп определялась количеством коконов, которое высчитывали из первичного веса шелковичных червей. Все работы завершались примерно за неделю-полторы. Хозяйка обычно обслуживала работающих: подавала женщинам ветки с коконами, убирала их, встречала вновь прибывших, угощала. По окончании выборки коконов

²³ П и л л а — шелковичный кокон.

кроме обычного кормления работающих в каждом доме обязательно готовили специальное «женское» блюдо — молочную кашу из риса — *ширбиринч*, считавшуюся едой покровительницы женщин.

Выкармливание червей являлось, по общему мнению, *савоб* — богоугодным делом, поэтому во всех домах старались хотя бы немного выкормить их, чтобы иметь повод приготовить ритуальное блюдо. Поэтому некоторые хозяйки, хотя и не имели червей, тем не менее обязательно готовили в своем доме ширбиринч и угощала группу женщин, выбиравших коконы по соседству, или же для этой цели ставили *казан* там, где работали сборщицы.

Небольшие группы женщин собирались по очереди в разных домах для очистки хлопка от семян, взбивания ваты и намотки ее. Эти помочи назывались *кичик хашар* — малые помочи, или *халодж хашар* — помочи с халоджи²⁴. В них участвовали женщины одного селения.

Для прядения ниток созывались *катта хашар* — большие помочи, или *чарх хашар*²⁵. На эти помочи приходили женщины в основном также одного кишлака, но обязательно приглашали одну-двух ближайших родственниц из других кишлаков своей общины. Обычно родственница приглашала и своих соседок. Такие собрания превращались как бы в большие приемы гостей, и женщины готовились к ним заранее. Не каждый дом в кишлаке устраивал ежегодно *катта хашар*. Число таких устроителей зависело от различных обстоятельств. В некоторых домах воздерживались от созыва этих помочей из-за отсутствия запасов продуктов, или из-за продолжавшегося траура, или из-за предстоящих семейных торжеств (выдачи замуж дочери, женитьбы сына, обрезания мальчика). Они ограничивались приглашением небольшого количества людей.

Придя в дом, женщины рассаживались в комнате вдоль стен; в центре хозяйка расстилала скатерть и ставила угощение. Вскоре после этого начинали прять на своих *чархах*, которые женщины приносили с собой. Во время работы женщины распевали песни шуточного и любовного характера, а в конце дня устраивали своего рода соревнования на быстрейшее окончание работы. День завершался песнями и танцами.

Небольшой хашар, называемый *пахта сузан*²⁶, устраивали для взбивания ваты в доме просватанной девушки. Он созывался тогда, когда родственницы жениха приносили в дом невесты вату для одеял, халатов, которые входили в ее приданое.

Для организации и проведения свадеб требовались помощь и участие всей общины. Роль общины заключалась в том, что часть ее членов оказывала материальную помощь, предоставляя брачующимся недостающие средства: деньги, какие-либо вещи и даже продукты; другие участвовали в приготовлении продуктов, угощений, в организации приема гостей и обслуживании их.

На кишлачном малом совете назначался распорядитель свадьбы — *туй боши*. Таковым обычно был один из ближайших родственников семьи устроителя свадьбы, нередко *таго* — дядя по матери родителей или дядя (по матери) жениха и невесты. Он следил за приготовлением приданого невесты, за поступлением подарков и продуктов, обещанных стороной жениха.

²⁴ Название инструмента для отделения семян от ваты.

²⁵ Название ручной прядки. Обычно женщины приходили на хашар со своим инструментом.

²⁶ П а х т а — хлопок; с у з а н — растягивать.

Наконец, с завершением всех необходимых приготовлений к свадьбе собирался совет сельской общины. На него приходили обязательно элликбоши, распорядители свадеб (должных состояться в течение определенного периода) и их устроители или хозяева свадеб — *туй эгаси*, несколько стариков — *аксакалов* от каждого селения общины. На общинном совете определялась степень готовности к своим свадьбам и в соответствии с этим назначались время проведения большой свадьбы и очередность в пользовании общинными котлами. Одновременно выделялись специальные люди — *пайкал*, которые должны были приглашать на свадьбу членов своей общины и членов соседней туйдаш общины, причем, оповещая своих, пайкал проходил по всем четырем кишлакам общины и выкрикивал «ёппасйга туйга», т. е. «все на свадьбу» (к такому-то). В туйдаш общине же он передавал приглашение элликбоши, указав, на сколько блюд следует рассчитывать, а кого послать персонально — определял сам элликбоши. Гостей, которых приглашали из туйдаш караказана, заранее распределяли по домам соседей, односельчан; устанавливались обязанности членов общины по приему и обслуживанию всех гостей; приглашали поваров, пекарей, мясника и др.

В день свадьбы члены общины в соответствии со своими обязанностями, указанными на совете, находились в доме, где происходила свадьба, и выполняли все распоряжения руководителя: часть людей выходила на дороги для встречи особенно почетных людей и гостей из другой общины; часть занималась устройством гостей в домах, назначенных для них; другие помогали поварам, пекарям, третьи следили за подачей и распределением угощений, четвертые принимали подарки от прибывших гостей и готовили им ответные и т. д. Причем все это проводилось среди мужчин и женщин отдельно. После окончания свадьбы в одном доме общественные котлы увозились женщинами из другого дома, где должна состояться свадьба.

* * *

Изложенные нами материалы, касающиеся некоторых вопросов землепользования и обеспечения водой, организации труда, отдельных сторон бытовых и общественных связей крестьян, не могут в достаточной мере характеризовать сельскую общину Нижнего Даргома. Эти материалы освещают лишь одну, хотя и очень важную, сторону сельской общины — организационную, хозяйственно-общественную деятельность коллектива, основанную еще на ряде пережитков общинных отношений. Определяющей же чертой жизни сельской общины, в особенности начиная с XX в., стало растущее социальное неравенство ее членов. Одним из показателей этого процесса является обезземеливание крестьян. Здесь следует отметить некоторую этнографическую деталь. Социальное расслоение и число безземельных в узбекских кишлаках (0,9—5%) было меньше, чем в таджикских и арабских (3—17%) [9]. Объясняется это, по всей вероятности, в первую очередь видом занятий, а не перенаселенностью, как это утверждают сами крестьяне.

В занятиях крестьян узбекских кишлаков основное место занимало полеводство, в котором преобладали зерновые, менее товарные культуры. Таджики же занимались садоводством, огородничеством; кроме того, среди них были развиты ремесла. На положение крестьян арабских кишлаков большое влияние оказывало занятие скотоводством и торговлей. Соответственно узбекские крестьяне были меньше связаны с внешним миром, существовавшая большая хозяйственная взаимопо-

мощь в полеводстве создавала общую поддержку, благодаря чему здесь крестьяне были больше привязаны к своей земле.

Крестьяне, лишившись земли в своем кишлаке, уходили на заработки. Они нанимались в качестве различных сроков рабочих — *мардикоров*²⁷, *деволкашей*²⁸, *йетимов*²⁹ и *уракчи*³⁰. Большая часть узбеков, спускавшихся с предгорных кишлаков, например Сазаган Джам и др., становилась издольщиками — *чайристорами*³¹ и нередко сельскохозяйственными рабочими — *уракчи, йетими*. Они приходили в Самарканд к началу весеннего праздника *Афросиаб-сайл*³². Здесь они получали от нанимателей задатки, которые в праздничной суете вскоре растрачивали, и становились должниками. Бедняки из долинных кишлаков обычно шли наниматься непосредственно в дома соседних баев, а не на Афросиаб-сайл.

Жнецов — уракчи нанимали для жатвы зерновых только на неполивных землях. По-видимому, это не случайно. Размеры неполивных посевов, расположенных далеко от места жительства крестьян, были довольно большие по сравнению с поливными. Поэтому крестьяне были вынуждены прибегать к найму жнецов. Последним платили зерном. Его вес соответствовал весу семян, посеянных на данной площади, что было характерно для всей Средней Азии. На поливных землях зерновые жали большей частью сами крестьяне, устраивая помочи.

Сельскохозяйственные рабочие, а также рабочие по возведению глинобитных стен были выходцами в основном из ургаджи — ургенцев. Посредниками на скотных базарах — *даллол* и перекупщиками скота — *гоуджаллоб*, (*куйджаллоб*) являлись большей частью арабы. В качестве издольщиков — *каранда*³³, работавших в садах, в основном выступали городские таджики³⁴.

Обезземеливание крестьянской массы в караказанах шло одновременно со скупкой земель богатыми людьми; это две стороны одного и того же явления — расслоения крестьянства и разложения общины. По экономическим материалам 1917 и 1920 гг. можно судить, что процесс поляризации к этому времени значительно активизировался. Как показывают этнографические исследования, наряду со старыми сельскими богатеями в кишлаках появились представители новой, торговой буржуазии, также скупавшей земли.

Крупных землевладельцев, расцвет хозяйства которых падал на середину XIX в., в кишлаках называли *дехканами*. Система их полеводства соответствовала системе караказана, и у них не было оснований нарушать существовавшую норму соотношения земли и воды при поливах посевов. Они также нередко обращались к односельчанам, созывая хашары для полевых работ, и в известной мере еще отвечали своим од-

²⁷ *Мардикор* — сельскохозяйственный поденный рабочий, нанимавшийся на краткосрочные полевые работы.

²⁸ *Деволкаш* — рабочие — специалисты по возведению глинобитных стен.

²⁹ *Йетим* — сельскохозяйственный рабочий, нанимавшийся сроком на год; выполнял полевые работы, ухаживал за скотом. За работу получал по договоренности деньги, еду, одежду (независимо от урожая).

³⁰ *Уракчи* — жнец.

³¹ *Чайрикор* — издольщик, получавший долю урожая с полевых культур, еду, одежду.

³² *Афросиаб-сайл* — новогодний весенний праздник, во время которого устраивалось большое народное гулянье на древнем городище Афросиаб, расположенном в северо-восточной части Самарканда.

³³ *Каранда* — издольщик, работавший в садах; получал плату из доли урожая.

³⁴ Такое же положение отмечено нами и в районе Шахрисабза (верховья Кашкадарьи).

носельчанам, посылая на их хашары или членов семьи, или своих издольщиков. Чаще всего они давали продукты или посылали еду, приготовленную в доме. Безусловно, подобная плата не компенсировала труд участников созывавшихся дехканами хашаров, но патриархальность в кишлаке в том и заключалась, что дехканина осуждали лишь тогда, когда он присылал на их хашары слишком мало продуктов. В хозяйстве дехкан значительную роль играли издольщики чайрикоры.

Рубеж XIX—XX в. характеризуется крупными и важными событиями в области сельского хозяйства Средней Азии, которые вызвали значительный подъем производительных сил края. Введение денежного налогообложения крестьян, завершение постройки Среднеазиатской железной дороги, связавшей эту область с Россией, усиление внедрения хлопчатника — все это обусловило широкое развитие торговли. С усилением торговли и хлопковой политики рабочая сила становилась более необходимой и в полеводстве самих крестьян. Увеличение посевов хлопчатника вызывало значительные перемены и в системе полеводства и организации работ. Ведение хозяйства по старинке, без учета рынка и торговых отношений, становилось невозможным.

Нередко крестьяне, даже богатые земледельцы, продолжавшие вести хозяйство по старинке, стали разоряться. Их земли распродавались часто с аукциона и нередко без ведома соседей и элликбоши, так как это происходило в результате требования оплаты векселей, предъявлявшихся городскими богачами, ростовщиками и даже самаркандскими банками. Немало таких земель скупалось и русскими чиновниками. Продажа земли бедняками контролировалась соседями, однокишлачниками, поэтому при нарушении добрососедских отношений она происходила поспешно и тайно, ночами. Значительную часть земель у разорявшихся как богатых, так и бедных крестьян скупали кишлачные богатеи — *бой дехкан, саудагар дехкан*; в кишлаках их называли *гушнахур*³⁵. Они вырастали на основе предпринимательства, барышничества и спекулятивной торговли.

В деятельности этих новых богатеев торговля и барышничество играли более важную роль, чем занятия земледелием. Последнее обстоятельство отвлекало их от ведения полевых и других сельскохозяйственных работ. По мере накопления средств организацию земледельческих работ бой дехкан — гушнахур поручал членам семьи или приказчикам — *саркор*. Кроме того, в соответствии с требованиями нового рынка гушнахуры на своих землях первыми и больше других расширяли посевы хлопчатника, что приводило их к нарушению водной нормы, издавна установленной для зерновых культур. Становилось правилом, что гушнахуры не только получали воду первыми независимо от расположения их земель на кишлачном арыке, но и расходовали воду больше, чем им полагалось в соответствии с размерами их земель и системой местного полеводства.

В дальнейшем они стали меньше созывать односельчан на помочи, так как возделывание на больших площадях хлопчатника требовало много рабочих рук, да и обработка хлопчатника не совпадала со сроками других сельскохозяйственных работ у соседей. Кроме того, сами гушнахуры считали работу, выполненную помочами, некачественной, поэтому они постепенно переходили к найму годовых и других временных рабочих. В результате эта социальная категория бой дехкан, или саудагар дехкан, подрывая хозяйственные связи с односельчанами, способствовала дальнейшему ограничению общинных отношений в деревне.

³⁵ Гушнахур в переносном смысле — жадный, завистливый, насильник.

Таким образом, в результате образовавшейся тесной экономической и политической связи Средней Азии с Россией в конце XIX — начале XX в. усилилась социальная дифференциация крестьянства. Развитие имущественного неравенства выражалось, с одной стороны, в увеличении числа безземельных, а с другой — в возникновении крупных земельных хозяйств, являвшихся представителями новой, нарождавшейся буржуазии. Она занималась не только земледелием, но и торговлей. Земледельческое хозяйство характеризовалось расширением площадей под товарной культурой в полеводстве, преобладанием наемного труда и увеличением товарных отношений. Эта новая группа богатых сельских землевладельцев все больше игнорировала интересы односельчан, первой порывая, таким образом, хозяйственные связи с ними и способствуя нарушению еще сохранявшихся некоторых пережитков общинных отношений.

Значение общинных пережитков было двойное. Общее водопользование и очередность поливов, согласованное распределение пахотных земель, широкое распространение коллективных работ — все это помогало крестьянам лучше использовать земли и свой труд. Вместе с тем эти пережитки играли отрицательную роль. Община мешала дальнейшему развитию системы полеводства, распространению новых культур, приемов агротехники. Кроме того, она создавала среди крестьянства иллюзию общности интересов всех членов общины и тем самым подавляла развитие классового сознания. Как старые дехкане, так и новые, гушнахуры, различными способами старались обязать и подчинить своих соседей себе. Для этой цели они использовали не только свое экономическое влияние, но и сохранявшиеся в кишлаках общинные традиции.

1. Бартольд В. В., К истории орошения Туркестана, СПб., 1914.
2. Вирский И. М., Волости Зеравшанского округа, СПб., 1874.
3. Вяткин В. Л., Материалы к исторической географии Самаркандского вайляета, — «Справочная книжка Самаркандской области» (СКСО), Самарканд, вып. VII, 1902.
4. Гребенкин А. Д., Таджики. Узбеки, — «Русский Туркестан», вып. 2, М., 1872.
5. Джамалов О. Б., Социально-экономические предпосылки сплошной коллективизации сельского хозяйства в Узбекистане, Ташкент, 1950.
6. Кисляков Н. А., Патриархально-феодалные отношения среди оседлого населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX в., М. — Л., 1962.
7. Кисляков Н. А., Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло, М. — Л., 1936.
8. Лыкошин Н. С., Чапкуллукская волость Ходжентского уезда, — СКСО, вып. VIII, 1906.
9. «Материалы Всероссийской переписи населения 1920 г.», ч. 1, вып. IV, V, Самарканд, 1924.
10. «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I, М., 1962.
11. «Современный кишлак Средней Азии», вып. I, Ташкент, 1924.
12. «Современный кишлак Средней Азии», вып. V, Ташкент, 1925.
13. «Списки населенных мест Узбекской ССР», вып. II, Самарканд, 1926.
14. Чертов И. В., Дагбитская волость. Данные экономического исследования 1892 — 1893 гг., — СКСО, вып. IV, 1896.